

ских и русскими немецких текстов), автор приходит к выводу, что упомянутые литеры обозначают не славянские, а греческие звукотипы и что «греческая лексика, вводимая в славянскую речь, в реальном произношении Кирилла и Мефодия была не заимствованной, т. е. адаптированной полностью, а используемой, т. е. сохраняющей формальные признаки греческого языка» (стр. 154). Е. М. Верещагин не довольствуется этими выводами. Привлекая дополнительные данные, извлеченные из готского текста Евангелия, он пытается решить вопрос о реальном произношении «и» и «у».

Углубленный анализ «дублетов» — повторяющихся чтений в апракосах и «корреспондентов» — сходных по языку и содержанию мест тетр является предметом третьей книги. Автор выявляет все без исключения дублетные места в апракосах и указанием на обилие вариантов, соответствующих в каждом случае одному греческому слову, глубоко обосновывает идею изначальности лексического варьирования. Е. М. Верещагину удалось основательнее, чем его предшественникам, выявить обстоятельность варьирования слов и конструкций в «дублетах» и «корреспондентах». Однако это еще далеко не окончательное решение вопроса о причинах варьирования. Если при неоднократном переводе варьировались совершенно тождественные места греческих оригиналов, то это, видимо, следствие правки, производившейся Кириллом и Мефодием. Естественно предположить, что первоучители славян, исполнявшие необычайной важности принятой ими на себя миссии, сличали новые переводы со старыми и сознательно, целенаправленно решали вопросы, связанные

с введением или устранением тех или иных вариантов. Но какие цели преследовались варьированием в каждом отдельном случае? Автор упоминает о том, что варьирование можно объяснить воздействием греческого источника или реперитивным влиянием славянского языка (стр. 17). Следует ли это понимать так, что допущенное вначале греческое воздействие (параскьягма) потом устранялось (патока)? Ответить на этот вопрос предоставляется читателю. Семантическое различие вариантов в «дублетах» и «корреспондентах» исключается. Но как же тогда объяснить варианты типа ити — грасти (Мф 26, 64), вариити на ономъ полоу — вариити его на онъ полъ (Мф 14, 22) и мн. др.? Фактически только «персональные» варианты могут интерпретироваться определенно — как сознательное редактирование текста. Но таких вариантов в представленном материале немного. Вряд ли можно решиться большую часть вариантов в тождественных местах апракосов и тетр отнести за счет бессознательной склонности к разнообразию средств выражения. Присущая древнейшим славянским переводам вариативность нуждается в дальнейшем углубленном исследовании.

Все три рассмотренные нами книги подчинены единой цели и по праву носят одно заглавие. Эти три отпечатанные небольшим тиражом на ротапиринте книги следует объединить в монографию, которая послужит развитию отечественной Cyrillo-Methodian'ы, которая в последние годы редко обогащалась столь значительным вкладом.

М. М. Копыленко

«Большой англо-русский словарь». Под общим руководством проф. И. Р. Гальперина, I — А — L., 822 стр., II — М — Z, 863 стр. — М., «Советская энциклопедия», 1972.

Рецензируемый словарь, содержащий около 150 000 слов, является наиболее полным из всех англо-русских словарей, которые когда-либо издавались в нашей стране. Достаточно напомнить, что считавшийся до сих пор наиболее полным «Англо-русский словарь» В. К. Мюллера¹ содержит около 70 000 слов. «Большой англо-русский словарь» превосходит все остальные англо-русские словари не только по количеству слов, но и по тщательности разработки системы их значений. Значительно шире, чем в других лексикографических пособиях, в нем представлена фразеология современного

английского языка, а также специальная терминология различных отраслей знания.

Словарю предпослано обстоятельное «Введение», написанное И. Р. Гальпериним. В нем рассматриваются некоторые общие проблемы лексикографии, принципы выделения словника, отражения в словаре словообразовательной системы английского языка, словосочетаний и фразеологических единиц, сокращений, имен собственных и географических названий. Кроме того, здесь обосновываются принятые в словаре системы грамматических и стилистических помет, указываются принципы, которыми руководствовались составители, давая фонетическую характеристику включенных в словарь слов, группируя в словарных статьях значения многозначных слов,

¹ «Англо-русский словарь», сост. В. И. Мюллер, 14-е изд., М, 1969.

дифференцируя явления многозначности и омонимии, а также раскрывая смысловую структуру английских слов в переводах.

К словарю приложены списки личных имен, географических названий, наиболее употребительных сокращений, денежных единиц, таблицы мер и весов.

«Большой англо-русский словарь» — коллективный труд, в составлении которого принимали участие известные англичане — преподаватели высших учебных заведений и сотрудники научно-исследовательских учреждений Москвы и Ленинграда: И. Р. Гальперин (руководитель), Н. Н. Амосова, Ю. Д. Апресян, Р. С. Гинзбург, И. А. Ершова, Л. И. Калантарова, Э. М. Медникова, А. В. Петрова, М. Э. Фельдман, А. М. Фитерман. Кроме того, к составлению терминологической части словаря были привлечены специалисты по различным отраслям знания.

Несомненным достоинством словаря следует считать то, что он построен на прочной научной основе. Стремясь придать словарю нормативный характер, составители предложили развернутую и продуманную систему стилистических помет. Теоретическая разработка системы помет повлекла за собой критический пересмотр помет, обычно используемых в английской лексикографии, и в частности отказ от пометы «sl.» (slang). Такое решение следует признать вполне обоснованным. Как указывается во «Введении» (стр. 15), под термином «slang» недифференцированно объединяются совершенно разнородные явления — просторечные слова, диалектизмы, неологизмы, жаргонизмы, шуточные словообразования и др. Кроме того, нельзя не считаться и с тем немаловажным обстоятельством, что эта помета используется лишь в английской лексикографии и отсутствует в других словарях — в частности, в словарях русского языка. Такое положение можно было бы оправдать лишь в том случае, если бы обозначаемые этим термином явления были специфической чертой английского языка и отсутствовали в других языках. Однако на самом деле охватываемые термином «slang» явления присущи в равной мере как английскому, так и другим языкам. Используемые вместо пометы «sl.» (slang) пометы «прост.» (просторечие), «жарг.» (жаргонизм) и др. дают возможность более дифференцированно и точно охарактеризовать стилистическую окраску слова и в то же время в большей мере соответствуют системе терминов, применяемых в русской лексикографической традиции. В целом, разработанный составителями терминологический аппарат приближает нас к осуществлению важной задачи, стоящей перед лексикографами — выработке единого метаязыка лексикографического описания.

Предлагаемая составителями система помет исходит из тщательно продуманной концепции, лежащей в основе излагаемой на стр. 14—17 классификации стилистических пластов современного английского языка. В приводимой во «Введении» классификационной схеме нашла, в частности, свое воплощение весьма плодотворная и разделяемая в настоящее время многими лингвистами мысль о несостоятельности традиционного противопоставления «литературный язык — разговорный язык». Такого рода противопоставление было основано на ошибочном отождествлении литературной речи с речью книжно-письменной. В то же время, если исходить из того, что основным различительным признаком литературного языка является ориентация на кодифицированную норму, то нельзя не сделать вывода о том, что «разговорная лексика... может быть разделена на два слоя: общая разговорная лексика, которая входит как составная часть в общепризнанный литературный пласт слов (Standard English) и специальная литературно-книжная лексика» (стр. 15).

Выделяемые авторами пласты, слои и группы лексических единиц представлены в виде диаграммы (стр. 16), из которой следует, что предлагаемая система строится на основе различных, пересекающихся признаков. Здесь необходимо сделать лишь одно уточнение: некоторые группы лексических единиц, относимые, согласно этой схеме, к специальной литературно-книжной лексике, могут быть принадлежностью и лексике нелитературной. Так, например, в этой схеме архаизмы включены в разряд специальной литературно-книжной лексики, а диалектизмы — в разряд нелитературной лексики. Однако известно, что архаизмы бытуют не только в поэзии, но и в диалектной речи. См., например, местоимение *уол* «там, туда», которое сопровождается в словаре двумя пометами — «уст.» (устаревшее слово) и «диал.» (диалектизм).

К сожалению, в рецензируемом словаре, точно так же, как и в других англо-русских словарях, не проводится достаточно последовательное разграничение лексик американского и британского вариантов английского языка. Так же, как и в словаре В. К. Мюллера, здесь используется лишь помета «амер.» (американизм), но нет пометы «бритг.» (бритицизм). В результате читатель не получает четкой ориентации относительно различий между общеанглийской лексикой и специфической лексикой британского варианта, поскольку и та, и другая фигурируют в словаре без специальных помет.

Отсутствие в англо-русских словарях специальной пометы для бритицизмов объясняется, по-видимому, их ориентацией преимущественно на словари, издаваемые в Англии, в которых такая помета

отсутствует, так как для читателя-англичанина дифференциация британской и общепринятой лексики не существенна. Вместе с тем для русского читателя такое разграничение чрезвычайно важно, поскольку оно в значительной мере определяет правила совместной встречаемости лексических единиц в тексте (американизмы могут сочетаться в одном и том же тексте с общепринятой лексикой, но не с британизмами).

Односторонняя ориентация на британский вариант сказывается и в фонетической характеристике слов: в словаре дается лишь британское произношение и не указываются те случаи, когда литературные нормы британского и американского вариантов предусматривают различные произносительные варианты одних и тех же слов (типа *either, tomato, clerk*).

Значительное внимание уделено в словаре словообразовательным средствам английского языка. Составители исходят при этом из того, что включение в корпус словаря словообразовательных аффиксов в виде самостоятельных вокабул в значительной мере поможет читателю «расшифровать» значение производных слов, по той или иной причине не попавших в словарь. Сообщая читателю необходимые сведения о значениях и функциях продуктивных аффиксов современного английского языка, составители указывают при этом степень словообразовательной активности того или иного аффикса, а также его эмоционально-стилистические особенности.

Вполне обоснованно и удачно решаются составителями словаря задачи, связанные с разработкой и использованием грамматических помет. В этой связи особый интерес представляет строго аргументированный и дифференцированный подход к такому сложному и противоречивому явлению, как конверсия. Как известно, это явление столь широко распространено в современном английском языке, что порой создается впечатление, что от любой лексической единицы может быть по конверсии образована другая, относящаяся к иному лексико-грамматическому разряду слов. Вместе с тем, это далеко не так. Здесь существуют определенные ограничения, которые удачно отражены в словаре. Кроме того, как справедливо отмечается во «Введении», те явления, которые часто объединяют под единой рубрикой «конверсия», далеко не однородны. Известны случаи так называемой коккациональной конверсии, когда данное слово лишь эпизодически используется в необычной для него синтаксической функции. Например, то или иное существительное может иногда вступать в атрибутивные связи с другим существительным в составе конструкций типа NN, не приобретая при этом других категориальных признаков прилагательного. На другом полюсе располагаются

единицы, образованные в результате полной и регулярной конверсии (например, существительное *red*, которое характеризуется полным включением в парадигматический класс существительных и регулярным использованием в соответствующих синтаксических контекстах).

Заслугой составителей словаря является выделение промежуточного разряда слова, к которому относятся единицы, регулярно используемые в необычной для данного лексико-грамматического разряда функции, но не успевшие приобрести другие категориальные признаки иной части речи (например, прилагательное *poor*, которое, подобно существительному, регулярно используется с определенным артиклем в функции подлежащего и дополнения, но не сочетается с неопределенным артиклем и не имеет формы множественного числа). Для объяснения подобных случаев составители выдвигают понятие переноса грамматического значения (по аналогии с переносом лексического значения). Градация различных этапов конверсии находит свое отражение в системе помет. Существительное *red* выделяется в виде отдельной вокабулы с пометой «п.», прилагательное *poor* сопровождается пометой в «грам. знач. сущ.», а случаи окказиональной конверсии обозначаются знаком змейки (ζ).

Тщательно продумана последовательно реализуемая в словаре система группировки значений многозначных слов. Составители исходят из того, что существуют определенные градации связей между значениями слова — от свободных значений до фразеологизмов, помещаемых под знаком ромба (\diamond). Так, например, у глаголов выделяются три группы значений, обозначаемых светлыми римскими цифрами I, II и III. Цифрой I обозначаются значения, реализация которых в минимальной мере зависит от контекста. Под цифрой II группируются значения, реализация которых определяется микроконтекстом — лексическим (II A: например, значение «причинять» у глагола *give* реализуется в сочетаниях *give trouble, give pain*) и синтаксическим (II B: например, значение «заставлять» у глагола *make* реализуется в конструкции *make NVinf*).

В группу III объединяются случаи частичной (III A) и полной (III B) десемантизации (типа *keep in keep quiet* и *get in get old*). В то же время случаи полной лексической омонимии выделяются в словаре с помощью надстрочных арабских цифр, а единицы, совпадающие по своей звуковой форме, связанные друг с другом семантически, но отличающиеся друг от друга принадлежностью к разным частям речи, обозначаются полужирными римскими цифрами (например, *Greek* «грек» и *Greek* «греческий»).

Нельзя не согласиться с И. Р. Галь-

периним, когда он отмечает во введении к словарю, что поскольку функциональные и семантические потенции слова полнее всего выявляются в контексте словосочетания и предложения, словарь «не должен ограничиваться перечислением слов и их значений» (стр. 12). Составители словаря видят свою задачу в том, чтобы дать как можно более полное описание функционирования каждого слова в его сочетаниях с другими словами, и, хотя, разумеется, едва ли возможно и целесообразно дать в словаре исчерпывающий перечень всех словосочетаний, в которые может вступать данное слово, тем не менее, наиболее характерные из них находят свое отражение в словарных статьях. В этом, безусловно, одно из наибольших достоинств рецензируемого словаря, и этим он выгодно отличается от большинства издаваемых за рубежом словарей английского языка.

Можно без всякого преувеличения сказать, что по научной обоснованности, по системности раскрытия смысловой структуры слова, его грамматических и стилистических характеристик «Большой англо-русский словарь» является одним из лучших не только среди англо-русских словарей, но и среди всех словарей английского языка. И в то же время его положительной стороной является то, что положенные в его основу научные принципы не превращаются в догму, а сочетаются со стремлением как можно полнее удовлетворить практические нужды читателя. В тех случаях, когда отдельные теоретические положения лексикологии оказываются несовместимыми с практическими требованиями лексикографии, составители сознательно допускают компромиссные решения, аргументируя их соответствующим образом во «Введении».

«Большой англо-русский словарь» в целом весьма полно отражает тенденцию развития английского языка в послевоенный период. Помимо значительного числа лексикографических источников, список которых включает и новейшие словари английского языка (например, «Random House dictionary of the English language», New York, 1967; «The American heritage dictionary of the English language», Boston, 1970), составители черпали материалы для словаря из современной художественной, научно-популярной литературы и публицистики. Словарь содержит немало неологизмов и новых сокращений, в том числе и тех, которые отсутствуют в последнем издании словаря В. К. Мюллера (например, *label* в значении «меченый атом», *airdrop* «сбрасывать с самолета», *splashdown* «приводнение», *MIRV* — *Multiple Individual Targetable Re-entry Vehicle* «многоэлементная боевая часть баллистической ракеты, МИРВ», *SALT* — *strategic arms limitation talks* «переговоры об ограничении стратегических вооружений», *ABM* — *anti-bal-*

listic missile system «система противоракетной обороны», *overkill* «многократное уничтожение»).

Вместе с тем здесь есть и некоторые пробы. Так, например, в словаре приводится неологизм *sit-in* «демонстрация протеста против расовой дискриминации путем занятия мест (в кафе и других местах, куда не допускаются негры)», но отсутствуют более поздние аналогичные образования (например, *teach-in* «публичная дискуссия как форма социального протеста», *work-in* «отказ рабочих покинуть производственные помещения в знак протеста против закрытия предприятия»). У существительного *hardware* дается значение «оружие, боеприпасы», сопровождаемое пометой «воен. жарг.». Однако в настоящее время слово *hardware* в этом значении прочно укрепилось в литературном языке и широко используется в публицистике, научной и технической литературе. Кроме того, у него появились новые значения — «электронно-механическое оборудование ЭВМ», «физические компоненты ракет». Отсутствует в словаре и неологизм *software* «средства программирования, программно-математическое обеспечение ЭВМ».

Среди неологизмов последних лет, не включенных в словарь, следует упомянуть *hippie* «хиппи», *minuteman* в значении «член ультрареакционной организации в США», *tokenism* «видимость борьбы с расовой дискриминацией», *effort* в значении «программа работ» (например, *space effort*), *brain-drain* «эмиграция научно-технического персонала, утечка мозгов».

Одной из сложнейших проблем, стоящих перед составителями любого словаря, является проблема так называемого «терминологического взрыва», охватившего за последние десятилетия многие отрасли знания. В целом, подход составителей к решению этой проблемы применительно к обороту словника основан на вполне разумных критериях: общий словарь, по их замыслу, не призван заменить отраслевые словари и должен включать лишь те термины, которые характерны для данной отрасли в целом и не носят узкоспециальный характер. Кроме того, при отборе терминов составители стремились учесть интерес широкого круга читателя к той или иной отрасли знания (см. «Введение», стр. 11).

Однако в отдельных случаях составители отступают от этого принципа. Так, например, читатель находит в словаре такие узкоспециальные термины, как *ensisternal* (анат.) «относящийся к мечевидному отростку грудины», *ciatric(u)le* (биол.) «зародышевый диск на желтке яйца», *entomophobia* (мед.) «болезненный страх перед насекомыми», *haybote* (юр.) «право на вырубку леса для починки изгородей, оград и т. п.».

Вместе с тем в словаре отсутствуют не-

которые термины, которые за последние годы подверглись «деспециализации» и прочно вошли в общелитературную и публицистическую лексику. К их числу относится ряд военных терминов — таких, как *strike* в значении «удар», *first strike capability* «силы и средства для нанесения первого удара», *counterforce strategy* «стратегия контрсилы, стратегия ударов по средствам нападения противника». Необходимо отметить, что эти термины содержатся в «Англо-русском словаре» под ред. Г. А. Судзиловского², который почему-то не значится в списке лексикографических источников, где указан в значительной мере устаревший «Военный англо-русский словарь» А. М. Таубе³.

Выше уже указывалось, что в целом расположение материала и структура словарных статей отличаются продуманностью и логичностью. Однако в некоторых случаях составители отступают от принятой ими четкой схемы. Так, если в большинстве случаев, когда речь идет о словах, образованных путем конверсии, сначала дается исходная единица, а затем производная, то иногда производная единица предшествует исходной (например, сперва дается существительное *go*, а затем уже глагол).

Не всегда с достаточной последовательностью реализуются принципы отнесения тех или иных словосочетаний к фразеологизмам. Так, например, среди последних под знаком ромб (◊) почему-то фигурируют *Henry the Fifth* «Генрих пятый», *Edward the First* «Эдуард первый», *Louis the Fifteenth* «Людовик пятнадцатый» и др. Неясно, почему в разряд фразеологиз-

мов включаются термины *negative trade balance* «пассивный торговый баланс» (*positive trade balance* «активный торговый баланс» среди фразеологизмов не значится), *rapidity of a lens* «светосила объектива» (синонимичный термин *speed of a lens* в эту категорию не попадает).

Перевод слов, словосочетаний и фразеологизмов, как правило, характеризуется не только семантической, но и стилистической адекватностью. Примеры неточных переводов крайне немногочисленны. Укажем на следующее: *hijacking of civil aircraft* переводится как «ограбление в пассажирских самолетах» (правильный вариант: «угон пассажирских самолетов»).

В тех случаях, когда один и тот же фразеологизм дважды приводится в словаре под различными словами, иногда наблюдаются расхождения в переводах. Например, выражение *to cry blue murder* в статье *blue* переводится «орать, дико вопить (без особой причины)», а в статье *murder* «кричать караул, вопить, орать». Фразеологизм *to burn daylight* в одном случае переведен «уст. жечь свечи (свет) днем; даром терять время, растрчивать силы», а в другом без пометы «уст.» — «тратить силы зря».

Указанные выше отдельные недостатки словаря вполне объяснимы, если учесть всю сложность задачи, стоявшей перед составителями, — создание словаря нового типа, который, как указывается в ввводной статье «От издательства», принципиально отличается от выпускавшихся ранее издательством «Советская энциклопедия» словарей (стр. 7).

Нет никакого сомнения в том, что выход в свет «Большого англо-русского словаря» — крупное событие в англистике и большое достижение нашей отечественной лексикографии.

А. Д. Швейцер

² «Англо-русский военный [словарь], 2-е изд., М., 1968.

³ «Военный англо-русский [словарь], 3-е изд., М., 1949.